

Мы мчались по улицам Саванны, Штейн гнал как сумасшедший, швыряя меня на заднее сиденье при каждом силовом скольжении, которое он делал на поворотах, оставляя Агентов Щ. И. Т. карабкаться за нами в пыли, в то время как Бурштейн просто продолжал прижиматься к приборной панели, слегка поскуливая всякий раз, когда его машина касалась земли менее чем всеми четырьмя колесами.

Дело в том, что огромное количество возможностей обработки и скорости, на которые был способен уникальный мозг Штейна, давало ему потенциал стать лучшим гонщиком на Земле, поскольку он мог смотреть на всю дорогу, чувствовать силы G, действующие на нас, и анализировать информацию, которую машина подавала ему в мгновение ока.

Все сводилось к тому, что Штейн доводил "Короллу" до абсолютного теоретического максимума, в то время как водители позади нас значительно замедлялись из-за своей неспособности немедленно объезжать препятствия или удерживать газ на ровном месте при приближении к поворотам из-за того инстинктивного предчувствия, которое испытывают все люди, ускоряясь к повороту (за исключением гонщиков, которые вместо этого просто чувствуют необходимость ехать еще быстрее).

Потребовалось пятнадцать минут (и десять лет от ожидаемой продолжительности жизни Бурштейна, как он позже утверждал), чтобы мчаться в случайном порядке к месту назначения, но сочетание застигнутого врасплох Щ. И. Т. Д. и маниакального стиля вождения Штейна было достаточно, чтобы, когда мы прибыли в грязный мотель, где мы припарковали Оливера, у нас было окно примерно в пять минут.

Мы вдвоем выскочили из потрепанной "Тойоты" (Бурштейна слегка шатало) и принялись швырять все, что Штейн запихал в машину, в трейлер Оливера. Мы как раз закидывали туда последний пакет с записями, когда мой слух уловил звуки визжащих шин.

- ШЕВЕЛИСЬ, ШЕВЕЛИСЬ, ШЕВЕЛИСЬ!"

Мы быстро забрались в кабину и рванули из маленького городка как раз в тот момент, когда фургоны Щ. И. Т. свернули за угол на дальней стороне дороги. Несмотря на то, что Штейн вдавливал педаль газа почти в пол, разгоняя Оливера до скорости выше 100 миль в час (или 160 километров в час в единицах, которые имеют смысл), Щ. И. Т. все еще медленно, но верно догонял нас.

Честно говоря, им даже не нужно было нас догонять: им просто нужно было оставаться у нас на хвосте, пока мы в конце концов не остановимся, или просто ждать, пока мы не приведем их к нашей базе (не то чтобы у нас была база, но все равно я бы предпочел, чтобы Щ. И. Т. Д. не знал, куда мы едем).

- Ну же, Штейн, ты уже несколько месяцев возишься с Оливером, пожалуйста, скажи мне, что у тебя есть что-то, что позволит нам стряхнуть этих парней?!" - Крикнул я со своей стороны каюты, с трудом натягивая спортивные штаны (показывая Бурштейну гораздо больше, чем любой из нас когда-либо видел).

На мгновение Штейн прикусил губу, явно что-то обдумывая, но, похоже, ему не хотелось доводить до конца то, о чем он думал.

- Что бы это ни было, сделай это!"

Мой друг угрюмо вздохнул, услышав мой панический крик, и задумчиво уставился на приборную доску.

"Я действительно хотел сохранить этот сюрприз еще на немного, но"

И с этими словами его лицо из несколько разочарованного превратилось в абсолютно маниакально радостное, улыбка почти расколола его лицо пополам. Он нажал на какой-то скрытый механизм на приборной панели, заставляя часть ее отодвинуться, открывая большую, зловещую красную кнопку.

В животе у меня все сжалось, что не имело ничего общего с черным внедорожником, который все еще полз к нам, особенно когда Штейн повернулся и посмотрел на меня, и в его глазах сверкнул такой блеск, что волосы у меня на шее встали дыбом (если, конечно, они у меня были).

- Держитесь!"

А потом со смехом нажал большую красную кнопку, и мир стал.... размытым

Скулеж, достаточно громкий, чтобы казалось, будто он выбивает зубы из моего черепа, поднялся, чтобы заполнить кабину, в то время как внешний мир превратился в длинные полосы цветов, когда мы рванули через шоссе.

Именно тогда я понял, что вой был знакомым, но прежде чем я смог понять, где я слышал его раньше, по телу Оливера пробежала глубокая дрожь, а затем я еще глубже вжался в сиденье, поскольку ощущение скорости только усилилось.

А Штейн продолжал смеяться.

Я был почти уверен, что в этот момент Бурштейн либо молился, либо был без сознания.

Расплывчатое ощущение продолжалось целых десять минут, в течение которых я больше не мог разглядеть ни одного внедорожника, преследующего нас (хотя это на самом деле ничего не говорило, поскольку мне было трудно полностью идти в ногу с внешним миром в целом).

Я начинал всерьез подозревать, что именно Штейн сделал с своим мозгом за моей спиной; учитывая, что он, казалось, воспринимал все просто отлично, скорость, с которой его мозг был

способен обрабатывать данные, была даже выше, чем я предполагал ранее, и определенно выше, чем то, на что он был способен, когда я подобрал его.

Тем не менее, в конце концов у меня возникло ощущение, что Штейн в какой-то момент съехал с дороги и теперь мчится куда-то в никуда. Еще через пять минут мы вышли из состояния, которое я мысленно окрестил "гиперскоростью", и продолжали мчаться по маленьким боковым дорогам через американскую сельскую местность, легко набирая скорость более 100 миль в час/160 км / ч.

Двадцать минут спустя мы стояли на пустынной равнине, за много миль от цивилизации. Мы с Бурштейном быстро выбрались из кабины (ну, я выбрался, Бурштейн просто... плюхнулся на землю), но Штейн вместо этого с важным видом вышел, любовно похлопав Оливера по кабине.

Оглядев грузовик, я лишь немного удивился, увидев, что шины дымятся, а на ветровом стекле появилось несколько трещин. Тем не менее, что-то в трейлере привлекло мое внимание, и я вдруг понял, почему вой, который я слышал, показался мне таким знакомым.

Не отрывая глаз от турбин, торчащих сбоку шасси трейлера, я крикнул:

"Сэм!"

- Что?"

-Ты сделал наш грузовик реактивным?"

- ...Может быть?"

- Ради всего святого, Сэм!..."

- Ной мне помог!"

- Эй!"

Это будет долгий день.

К счастью, поездка от какой-то заброшенной равнины травы, в которой мы оказались после перехода на "гиперскорость" к окраинам Нью-Йорка, прошла довольно гладко. Однако вместо двенадцати часов, которые мы с Штейном потратили на то, чтобы добраться до Бурштейна, на этот раз поездка заняла два дня, потому что я был параноиком и настаивал, чтобы мы держались боковых дорог и избегали всех основных точек цивилизации.

Видимо Щ. И. Т. отступил, увидев, как я пожимаю плечами от пуль, как будто они ничего не значат, пробегая сквозь стену и разбивая машину без каких-либо видимых усилий, только чтобы запрыгнуть в реактивный грузовик, либо они просто выжидали.

Тем не менее, относительная тишина дала мне время немного успокоиться и начать использовать свой супер-умный мозг на полную катушку.

Да, Щ. И. Т. теперь знал, как я выгляжу, что сделало попытки скрыться в тени еще более трудными, чем это было до сих пор, но это также давало мне возможность, если я был достаточно смел, чтобы воспользоваться ею.

Я мог бы полностью выйти на публику.

Повторить все то, что сделал Тони: "Я Железный Человек".

Несомненно, кто-то из людей ответит мне ударом в спину (видимо, моей внешности было достаточно, чтобы люди в Африке заклеили меня демоном), но для большинства масс я буду чем-то захватывающим и новым.

Для компаний, которые я пытался запутать в своей запутанной паутине, я был живым доказательством концепции.

Пусть Щ. И. Т. устанет, пытаясь собрать воедино досье на меня, только чтобы в оцепенении смотреть, как то, что они так старательно пытались собрать, станет устаревшим, когда весь мир узнает обо мне больше, чем они знают сейчас, после того как я стану достоянием общественности через несколько месяцев.

Если бы я только мог видеть выражение лица Фьюри.

<http://tl.rulate.ru/book/49515/1257849>